
Не буди короля
Тея Кроу

Тея Кроу

Не буди короля

«Автор»
2026

Кроу Т.

Не буди короля / Т. Кроу — «Автор», 2026

Лира Беннет — филолог, продавщица в книжной лавке «Розовые пионы», где пионов отродясь не было. Врать она не умеет: краснеет пятнами. Обряд на суженого из старой книги она провела ради смеха, с чаем «Сладкий сон» и гвоздикой из банки для глинтвейна. Теперь каждую ночь она просыпается в постели рогатого короля фейри.Король Мориан уверен, что её подослали невесты. Лира уверена, что сходит с ума. Но в королевстве Аверн никто не умеет лгать, зато все виртуозно говорят полуправду. А старого короля, похоже, убили во сне.Расследовать может только тот, кого нельзя подкупить и кто слышит, как устроена чужая речь. Филолог в пижаме с котиками. Единственная во всём дворце, у кого есть алиби: её здесь вообще нет.До коронации двадцать один день. Убийца ходит по замку. Дома грозят закрыть лавку. А выспаться Лире больше негде.Юмористическое детективное фэнтези о правде, лжи и о том, почему не стоит будить королей.

© Кроу Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Тея Кроу
Не буди короля

Глава 1
Ромашка и гвоздика

Раз в неделю к нам кто-нибудь заходил за пионами.

Обычно это был мужчина с виноватым лицом, и обычно в среду, за полчаса до закрытия. Колокольчик над дверью звякал, мужчина вдыхал запах старой бумаги, оглядывал стеллажи от пола до потолка и прямо на глазах понимал, что вывеска его обманула.

– Это книжный, – говорила я.

– Вижу, – отвечал он с горечью человека, у которого сегодня годовщина. – А цветы?

– Через две двери. Скажите Мэгги, что вы от Лиры, она добавит ленточку бесплатно.

Лавку назвала «Розовыми пионами» её основательница, Агата Лоуренс. Пионов здесь не водилось с тех пор, как я себя помню, если не считать обложки «Справочника садовода»

восемьдесят седьмого года, который никто не покупал из принципа. Агата умерла два года назад, и лавка перешла к её внучке. Внучка сразу перешла к делу: каждый месяц грозилась лавку продать, а каждый вторник приезжала проверить, не продала ли я её сама.

В тот вторник за пионами никто не пришёл. Зато пришла миссис Лоуренс.

Я как раз стояла на стремянке у полки с поэзией и пыталась впихнуть толстого Уитмена туда, где ему место по алфавиту, но не по ширине. В тёмном стекле витрины отражалась вся я: невысокая, с пышными формами, в вязаном жилете цвета овсянки, с карандашом, воткнутым в пучок, и в очках, которые опять съехали на кончик носа. В школе меня звали Булочкой. Я долго обижалась, пока не попробовала булочки в пекарне на углу. Теперь не обижаюсь.

В зелёном кресле у окна дремала над детективом миссис Хиггинс. Кресло по бумагам числилось «не для продажи», а по факту было её: восемьдесят два года, по детективу в неделю и ни одной покупки за полтора года. Пенсия у миссис Хиггинс была маленькая, а чайник у меня большой. На подоконнике рядом с ней остывала чашка с моим чаем.

Колокольчик звякнул так, будто его ударили.

Миссис Лоуренс никогда не входила. Она появлялась, как налоговая проверка или первый снег. Высокая, в бежевом пальто без единой складки, с сумкой, которая стоила больше, чем весь отдел поэзии. Она обвела лавку взглядом человека, который читает завещание и до сих пор не нашёл пункт про деньги.

– Лира.

– Доброе утро, миссис Лоуренс!

Я спустилась со стремянки, по пути уронив Уитмена. Уитмен шлёпнулся на пол с достоинством классика.

Её взгляд остановился на кресле. Миссис Хиггинс как раз проснулась, поправила очки и с интересом посмотрела на хозяйку поверх страницы. Так смотрят на новую подозреваемую.

– Миссис Хиггинс что-то покупает?

Врать я не умею. Это не добродетель, это физиология: стоит мне соврать, и я краснею вся сразу, от шеи до ушей, крупными пятнами, будто меня разметили под реставрацию. Поэтому за полтора года в «Розовых пионах» я освоила другое искусство.

– Миссис Хиггинс выбирает, – сказала я.

Чистая правда. Она выбирала с прошлой весны.

– А это? – Миссис Лоуренс кивнула на чашку.

– Это не продаётся.

– Я заметила, – сказала миссис Лоуренс, – что у нас вообще ничего не продаётся.

Тут крыть было нечем, и я благоразумно промолчала. Молчание тоже правда.

– Я не за этим. – Она стянула перчатку, палец за пальцем, будто разоружалась. – В машине четыре коробки с бабушкиного чердака. Я продаю дом. Разбери. Что можно продать, продай. Остальное на свалку. Сегодня.

– Книги на свалку?

– Бумагу на свалку, Лира. – Она посмотрела на меня с усталой жалостью. – Ты одна на всём побережье называешь это книгами.

Коробки я таскала сама, по одной, через лужи. Миссис Лоуренс уехала, не попрощавшись. Она вообще прощалась только с теми, кого надеялась больше не увидеть, а меня, к сожалению, собиралась увидеть в следующий вторник.

– Дорогуша, – сказала миссис Хиггинс, когда задние фары свернули за угол, – ты ни разу не соврала. Я считала.

– Я не умею врать.

– Я вижу. Ты сейчас как омар с пристани. – Она отпила чаю. – Варёный.

– Почти-правда тоже считается, – вздохнула я и потрогала горячую щёку.

* * *

В коробках пахло пылью, лавандой и прошлым веком. Агата Лоуренс, судя по всему, не выбрасывала ничего. Альманахи за тридцать лет. Кулинарная книга с рецептами, исправленными на полях: «Меньше соли! Гораций всё равно досолит». Вязальные журналы. Атлас звёздного неба с аккуратными чернильными точками там, где звёзд по атласу не было.

На дне четвёртой коробки, завёрнутая в шерстяную шаль, лежала книга без названия.

Кожаный переплёт, мягкий, как старая перчатка. Ни букв на корешке, ни выходных данных. Внутри рукопись: рецепты, рисунки трав, какие-то таблицы, а на полях мелкий наклонный почерк, каким пишут люди, которым вечно не хватает полей. У меня от таких вещей учащается пульс. У нормальных девушек он учащается от мужчин в форме, у меня от маргиналий. Каждому своё.

– Агатина, – сказала у меня над плечом миссис Хиггинс.

Я не слышала, как она подошла. Для своих восьмидесяти двух она передвигалась бесшумно, как кошка или совесть.

– Вы её знали?

– Все её знали. Она мне гадала. В шестьдесят первом, на выпускном. Сказала, что я выйду за моряка.

– И как?

– Вышла за бухгалтера. – Миссис Хиггинс подумала. – Но он очень любил рыбалку.

Я засмеялась. Смеюсь я, предупреждаю сразу, громко: мама говорит, что меня слышно в соседнем округе. Миссис Хиггинс уверяет, что от моего смеха с верхних полок осыпается пыль. Пыль действительно осыпалась.

– Не выбрасывай её, – вдруг серьёзно сказала миссис Хиггинс. – Агатины вещи не выбрасывают.

– Почему?

– Они возвращаются.

И она ушла обратно в кресло, к своему убийству в доме викария.

Выбрасывать книгу я и не собиралась. Выбросить книгу для меня всё равно что выбросить котёнка: технически можно, но как потом жить. Я сказала себе, что возьму её домой на одну ночь. Разобрать. Описать. Из профессионального интереса.

Я много чего себе говорю.

* * *

Живу я в десяти минутах от лавки, если идти вдоль залива, и в пятнадцати, если ветер дует в лицо. В конце октября он дует в лицо всегда. Моя квартира – две комнаты над прачечной: зимой тёплый пол бесплатно, круглый год запах чужого белья. Книги у меня стоят везде, где не стоят цветы, а цветы везде, где не стоят книги. На подоконнике в спальне живут розмарин, лаванда и фикус по имени Стейнбек. Я однажды спасла его с помойки, и он до сих пор мне этого не простил.

Я заварила чай с корицей, закуталась в плед и открыла книгу Агаты.

Через час я знала, как свести бородавку на убывающую луну, как приворожить удачу на ярмарке и что делать, если корова доится кровью. Ничего хорошего, судя по количеству восклицательных знаков. Через полтора часа я нашла страницу с загнутым уголком.

«На суженого. Чтобы явился тот, кто дан».

Я прыснула в чашку.

Давайте честно: хоть раз пробовал каждый. У меня на третьем курсе была курсовая по свадебной обрядности. Сорок три способа узнать суженого, от венков на реке до мёда на подошвах, и штук пять я, признаюсь, испытала на себе. Исключительно в научных целях. Венок утонул. Мёд отстирывается плохо. Суженый не явился ни разу, если не считать соседского ретривера, который пришёл на мёд.

Обряд у Агаты был простой. Цвет ромашки. Гвоздика. Розмарин для памяти. Лавр для удачи. Смешать, скрутить в пергамент, запалить и дать тлеть, а потом обойти покой посолонь, читая слова. «Посолонь» значит по солнцу, по часовой стрелке. «Покой» значит комната. Мне нравилось, что Агата писала так, будто на дворе семнадцатый век, а за окном не мигает вывеска прачечной «Чистый лист».

Ромашка у меня нашлась одна, в пакетике чая «Сладкий сон». На пакетике спала нарисованная овечка в ночном колпаке. Овечка выглядела счастливее меня.

– Если не сработает, – сказала я овечке, – я хотя бы высплюсь.

Гвоздика нашлась в банке с надписью моим же почерком: «ГЛИНТВЕЙН. НЕ ТРОГАТЬ ДО ДЕКАБРЯ». Я извинилась перед декабрём. Розмарин отщипнула на подоконнике, лавровый лист выудила из пачки для супа. С пергаментом вышла заминка, но в кухонном ящике лежала бумага для выпечки, и на её коробке крупно было написано «пергамент». Я решила, что Агата не стала бы придираться.

Я высыпала всё в миску и растёрла пальцами. Запахло Рождеством и аптекой одновременно. Скрутила тугую трубочку, подожгла кончик над газом, задула пламя, и трубочка затлела оранжевым глазком. Дым пошёл густой, сладковатый и почему-то не вверх, а вбок, лениво, как кот, который сам решает, куда ему идти.

Детектор дыма в коридоре заорал через четыре секунды.

Следующие две минуты я провела на табуретке, размахивая полотенцем перед пищащей белой тарелкой на потолке и обещая ей всё, что у меня было. Тарелка сдалась. Трубочка в миске тлела как ни в чём не бывало.

Я взяла её в одну руку, книгу в другую и пошла по спальне по часовой стрелке. Мимо шкафа. Мимо Стейнбека. Мимо стопки непрочитанного, которая уже доросла мне до колена. Мимо кровати. И читала вслух, стараясь не смеяться:

Дым ромашный, дым гвоздичный,
нить по кругу, сон по краю.
Кто мне дан – того зову:
где ты спишь – там мне лежать,
где я сплю – тебе вставать.

На последней строке я всё-таки фыркнула. Грамматика была двусмысленная до неприличия. «Где ты спишь – там мне лежать». Ох, Агата. Я мысленно поставила ей за стилистику четыре с минусом, а за смелость пять.

Дым, кажется, меня услышал. Он сделал над кроватью медленный круг и стёк на подушку, будто устраивался на ночь. Я затушила трубочку о край миски, положила книгу на тумбочку, сверху очки, и рухнула на кровать прямо в пледе, хохоча в потолок.

Сорок четвёртый способ. Для курсовой.

Это была просто шутка.

* * *

Сначала изменилась подушка.

Я поняла это не сразу. Так во сне понимаешь, что лестница, по которой идёшь, ведёт уже не туда, куда вела минуту назад. Под щекой была не моя наволочка в мелкий горошек, мягкая от тысячи стирок, а что-то грубее и прохладнее: лён, плотный, как парус. И пахла она не кондиционером «Альпийский луг», а дымом, кедром и чем-то холодным и острым, как воздух за секунду до грозы.

Одеяло тоже было не моё. Моё весит как облако, а это легло на плечи всей тяжестью, будто зимняя шуба, и по краю щекотало мехом.

«Мне снится, что я сплю, – подумала я с той ленивой ясностью, какая бывает только во сне. – Какой экономный сон. Даже декорации менять не надо».

А потом я услышала дыхание.

Оно было за спиной. Медленное, глубокое, ровное – так дышит человек, который спит очень крепко. Совсем рядом: отодвинься я на ладонь назад, и упёрлась бы в него лопатками. Матрас прогибался в его сторону, и я лежала на этом склоне, как камешек, который вот-вот покатится.

Сердце остановилось. Потом подумало и рвануло галопом.

Ладно, сказала я себе. Это уже не странный сон. Это кошмар. От кошмаров просыпаются. Надо просто открыть глаза.

Глаза не открылись.

Веки были тяжёлые, как монеты, которые кладут покойникам. Не самое удачное сравнение, и, конечно, в голову пришло именно оно. Я попробовала пошевелить пальцами. Пальцы остались где были. Я попробовала вдохнуть глубже и не смогла даже этого: воздух входил короткими рваными глотками, будто его выдавали по талонам.

Паника поднималась от живота к горлу, медленно и неумолимо, как вода в тонущей лодке.

И тут дыхание за спиной сбилось.

Оно запнулось раз, другой – как у человека, которого тянут наверх из очень глубокой воды и который ещё не понял, где верх. Долгий хриплый вдох. Шорох. Тяжёлое одеяло сдвинулось, по шее прошёл холодок. Он повернулся.

Ко мне.

Что-то коснулось плеча. Тёплые пальцы, осторожно, почти вопросительно, как трогают вещь, в которой не уверены: настоящая или кажется.

Я распахнула глаза.

Потолок. Мой потолок, с трещиной в форме Флориды. Моя наволочка в горошек. Моё облачное одеяло, сбившееся в ноги. В спальне пахло старыми книгами, лавандой с подоконника и горелой травой.

Я лежала одна.

Я вскочила так быстро, что плед запутался в ногах и я чуть не поцеловала пол. Схватила первое, что попалось под руку, – «Войну и мир», первый том, твёрдая обложка – и, держа его над головой, как дубину, обошла квартиру. Шкаф. Ванная. Кухня. За шторой. Под кроватью только пыль и носок, пропавший в августе. Входная дверь заперта на цепочку, окна закрыты. Холодильник гудел, как всегда, с лёгким осуждением.

Никого.

– Сонный паралич, – сказала я вслух. Голос был чужой, тонкий. – Это называется сонный паралич.

Я про него читала. При сонном параличе мозг уже проснулся, а тело ещё нет. Может казаться, что в комнате кто-то есть. Это нормально. Это описано в литературе. Всё, что описано в литературе, мне всегда немного легче пережить.

Я положила Толстого на тумбочку рядом с книгой Агаты. Плечо, там, где его коснулись, всё ещё было тёплым. Наверное, я просто его отлежала.

Наверное.

* * *

Было без двадцати четыре. Спать я не собиралась больше никогда, а если и собиралась, то точно не сегодня. Я поставила чайник – обычный чёрный, без всяких овечек; ромашку той ночью я пить не стала из принципа – и вернулась в спальню за книгой. У филологов есть один нехитрый рефлекс: если текст сделал с тобой что-то странное, перечитай текст.

Я открыла страницу с загнутым уголком.

Я её помнила. Не потому, что у меня хорошая память, а потому, что я филолог: страницы я запоминаю, как другие запоминают лица. Вечером я ещё отметила, что заговор кончается слишком рано, посередине листа, а ниже пустое место, желтоватое, как кожа на сгибе локтя. Я подумала тогда: странно для Агаты, которой вечно не хватало полей.

Пустого места больше не было.

Под последней строкой – «где я сплю – тебе вставать» – тем же мелким наклонным почерком было написано:

Во вторую ночь глаза открыть можно. Кричать нельзя.

Я провела по строчке пальцем.

Чернила были свежие. Они размазались.

Глава 2
Рога

Утром я нашла приписке три объяснения.

Первое: я написала её сама. Во сне. Лунатизм бывает у кого угодно, а у меня с детства богатое воображение и дурная привычка разговаривать во сне с выдуманными людьми. Против первого объяснения было вот что: у меня нет перьевой ручки. И чернил. И привычки писать наклонным почерком восьмидесятилетней женщины.

Второе: строчка была всегда, а я её не заметила. Против второго объяснения была я сама.

Третье объяснение я рассматривать не стала. Оно было из тех, что начинаются словами «а что, если», а кончаются консультацией специалиста.

Я завернула книгу Агаты в кухонное полотенце, засунула в ящик под мойкой, к пакетам для мусора, и ушла на работу. Это было не бегство. Это была реорганизация хранения.

* * *

Среда в «Розовых пионах» – день привоза. В девять пришли две коробки новинок. В десять – школьная учительница за двадцатью экземплярами «Убить пересмешника» (у нас было три). В одиннадцать сломался кассовый аппарат и, как всегда, починился от удара ладонью и слова, которое я не стану повторять при миссис Хиггинс. Впрочем, миссис Хиггинс его знала. Она сама меня ему научила.

В перерывах я разбирала коробки с чердака. Атлас звёздного неба купил заезжий студент из Бостона. Он долго водил пальцем по чернильным точкам и спрашивал, что это за созвездия. Я сказала правду: не знаю. Он купил атлас именно поэтому.

К обеду ночь стала казаться мне смешной. К трём часам – немного стыдной. К пяти я её почти забыла: сон есть сон, кошмары бывают у всех, а у филологов они ещё и с хорошей драматургией.

В половине шестого звякнул колокольчик, и вошёл мужчина с виноватым лицом.

– Это книжный, – сказала я раньше, чем он успел открыть рот.

– Вижу. А…

– Через две двери. Скажите Мэгги, что вы от Лиры.

Он ушёл. Миссис Хиггинс подняла глаза от своего викария.

– Каждую среду, – сказала она. – Хоть часы сверяй. Интересно, в чём он так провинился.

– Может, ни в чём. Может, он просто любит пионы.

– Дорогуша. – Миссис Хиггинс посмотрела на меня с жалостью, как на человека, который ничего не понимает в мужчинах. – Мужчины, которые ни в чём не провинились, покупают цветы в субботу.

* * *

К вечеру с залива пришёл дождь – косой, злой, октябрьский, который не падает, а нападает. Я добежала до дома мокрая до колен, сварила себе пряный чай – чёрный, с корицей, кардамоном, долькой апельсина и, для храбрости, ложкой мёда – и забралась с ногами в кресло под плед. Книгу я взяла скучную. Нарочно. Сборник эссе о садоводстве в Новой Англии: ничего про суженых, ничего про обряды, только мульча и сорок страниц о том, как правильно обрезать гортензии.

Гортензии подействовали лучше снотворного. В одиннадцать я поймала себя на том, что третий раз читаю одну и ту же фразу про перегной. Я почистила зубы, надела пижаму – фланелевую, с котиками, подарок мамы, которая считает, что двадцатичетырёхлетней женщине нужны котики, – сняла очки, положила их на тумбочку и легла.

Ящик под мойкой я не открывала. Я даже не смотрела в его сторону.

* * *

Подушка поменялась почти сразу.

Лён. Кедр. Дым. Холодный, предгрозовой запах. Тяжёлое одеяло с мехом по краю. И дыхание за спиной – ровное, глубокое, совершенно спокойное, как будто дома был он, а гостьей была я.

Сердце снова сорвалось в галоп, но теперь у меня было кое-что, чего не было прошлой ночью: инструкция. *Во вторую ночь глаза открыть можно.* Никогда в жизни не думала, что буду действовать по указаниям покойной женщины из ящика под мойкой. Но выбор у меня был небогатый.

Я открыла глаза.

Они открылись. Легко, как обычные глаза обычного человека. Я лежала на боку, лицом к стене – каменной, тёмной, в бледных отсветах огня. Где-то за спиной, наверное, тлели угли в камине: свет был рыжий, неровный, и тени на камне медленно дышали вместе с ним.

Я не стала думать. Если бы я начала думать, я бы не повернулась никогда. Я просто перекатилась на спину и посмотрела.

Мир без очков у меня похож на акварель, которую оставили под дождём. Чем дальше, тем сильнее всё растекается: кресло у камина было бурым пятном, окно синим, балдахин над кроватью тёмным облаком с золотой искрой кисти. Но то, что лежало рядом, было близко. Достаточно близко.

Он спал на спине. Одеяло было натянуто до пояса, а выше начиналось то, что мама деликатно назвала бы «мужчиной без рубашки», а миссис Хиггинс неделикатно, но точнее. Широкие плечи, грудь, живот, на котором – честное слово, я заметила это не потому, что смотрела, а потому, что это было в поле зрения, – лежала расслабленная рука. Вторая рука лежала вдоль тела, ладонью вверх, как у человека, которому нечего прятать. Лицо спокойное, почти мальчишеское во сне. Тёмные волосы разметались по подушке.

А из волос что-то торчало.

Две тёмные размытые линии, чуть выше висков, вверх. Я прищурилась. Не помогло.

Ветки, решила я. Нормальный человек. Спит с ветками на голове.

Я приподнялась на локте и наклонилась ближе – сантиметров на двадцать, то есть на расстояние, с которого я читаю меню в ресторане. Акварель сжалась и собралась в резкие линии.

Не ветки.

Рога. Тёмные, гладкие, они поднимались вверх лёгкой волной, будто дым над свечой вдруг решил затвердеть. Росли они прямо из головы, чуть выше висков, сразу за линией волос, и волосы вокруг них лежали так естественно, как трава вокруг камня, который был там всегда.

Мой мозг заметался, как библиотекарь при пожаре, хватая с полок что попало. Ободок с рогами. Грим. До Хэллоуина четыре дня – может, он из тех, кто готовится заранее? Может, он так и спит в костюме, потому что после вечеринки было лень его снимать? Может…

Ровное дыхание остановилось.

Не сбилось, как вчера. Просто остановилось, будто кто-то нажал на паузу.

И он открыл глаза.

Он не моргал и не щурился, как люди, которые просыпаются. Он сразу смотрел – и сразу на меня, повернув голову на подушке, так близко, что я разглядела его глаза до последней

ресницы. Фиолетовые. Не синие, не серые в полутьме – фиолетовые, глубокие, со светлым ободком у зрачка. Как сирень в июне, если бы сирень умела злиться.

– Кто ты?

Голос был хриплый со сна, низкий, и в нём не было ни капли удивления. Только холод.

Рука, которая лежала у него на животе, метнулась ко мне.

Я знала, что кричать нельзя. Мне это написали. Я филолог, я уважаю письменные источники.

Я завопила так, что зазвенело в ушах, и зажмурилась.

Ничего не случилось. Никто меня не схватил. Я вопила в темноту под веками, вопила, пока не кончился воздух, – и открыла глаза, продолжая вопить.

Трещина в форме Флориды.

Я закрыла рот.

В тишине сверху трижды стукнули по батарее: миссис Ковальски с третьего этажа сообщала, что тоже не спит и что в этом виновата я. Я хотела крикнуть ей «простите», но решила, что на сегодня накричалась.

Квартиру я всё равно проверила – с Толстым наперевес, в том же порядке, что вчера: шкаф, ванная, кухня, штора, кровать. Пусто. Ящик под мойкой был закрыт. Я не стала его открывать. Из трусости, которую назвала благоразумием.

Потом поставила чайник и села ждать утра.

* * *

В пять утра я сдалась и взяла телефон.

«Рогатый мужчина во сне к чему».

Интернет, как всегда, знал всё и ничего. «Большой сонник» обещал мне измену, «Сонник для женщин» – прибыль, а «Народный сонник» – ремонт крыши, причём, судя по всему, сам по себе, без моего участия. На форуме «Сны и знаки» пользовательница под ником Луна_Ведунья_77 уже ответила кому-то с похожим вопросом: «Это ваш тотемный козёл, он хочет, чтобы вы были смелее». Я не хотела, чтобы мой тотемный козёл чего-то от меня хотел.

Ниже висела реклама: «Рога для косплея, реалистичные, латекс, скидка 30% до Хэллоуина». Я посмотрела на фото. Рога на фото были хуже. У того, кто мне снился, они были настоящие.

Я поймала себя на этом «настоящие» и стёрла запрос.

«Сонный паралич две ночи подряд».

Так было лучше. Так было научно. Стресс, недосып, неудобная поза, кофеин. Я перечитала список и с облегчением нашла в нём себя. Стресс у меня был: миссис Лоуренс. Недосып был: вот прямо сейчас. Поза была неудобная: я заснула на левом боку, а сплю всегда на правом. Кофеин был в пряном чае. Всё сходилось. Всё было описано в литературе.

Я сделала третью чашку, на этот раз без кофеина, и стала думать о хорошем. О новинках, которые надо расставить. О том, что в субботу Мэгги обещала отдать мне остатки хризантем. О гортензиях, наконец, которые надо обрезать осенью, а не весной, или наоборот – я так и не дочитала.

И о глазах.

Как я ни старалась думать о гортензиях, думала я о глазах. О фиолетовом цвете, которого не бывает у людей. О светлом ободке вокруг зрачка. О том, как ясно я их видела.

И, только допив третью чашку, я поняла, что меня тревожит на самом деле.

Рога были размытые. Камин, кресло, окно – всё расплывалось, как и положено, когда на тебе нет очков. Чётко я видела только то, что было на расстоянии меню в ресторане.

Во сне я всегда вижу всё чётко. Во сне у меня никогда не бывает минус четырёх.

Глава 3
Нож у горла

– Дорогуша, – сказала миссис Хиггинс, – ты выглядишь как героиня во второй половине романа.

– Это как?

– Как будто автор тебя не любит.

Был четверг, без четверти одиннадцать. Я стояла посреди отдела фэнтези с охапкой книг до подбородка и пыталась выглядеть как человек, который просто наводит порядок на полках.

На самом деле у меня была теория. Ночью, где-то между второй и третьей чашкой, я решила, что мне снится кто-то из прочитанного. Мозг – ленивый драматург: он не придумывает героев, он их ворует. Где-то в моей голове лежал рогатый мужчина с фиолетовыми глазами, вычитанный лет в двенадцать, и теперь просто вылез погулять. Оставалось найти, откуда.

К обеду я перебрала полстеллажа. Фавн Тумнус из «Хроник Нарнии»: рога есть, глаза не те, и вообще он пил с девочкой чай, а не тянул к ней руку посреди ночи. Демоны у Данте: рога есть, но фиолетовых глаз Данте не описывал, ему было не до того. Какой-то лорд тьмы из трилогии девяностых, чьё имя я забыла ещё в процессе чтения: рога есть, глаза красные, и он разговаривал исключительно заглавными буквами.

Ничего. Ни одного совпадения.

– Ты ищешь кого-то конкретного, – сказала миссис Хиггинс. Это был не вопрос.

Врать я не умею. Я покраснела.

Через двадцать минут миссис Хиггинс вернулась. Вернулась не одна, а с миссис Перкинс, своей подругой по церковному хору и соседкой по кварталу, и обе несли по пакету из супермаркета. Пакеты были тяжёлые.

– Вот, – сказала миссис Перкинс и вывалила на прилавок стопку книжек в мягких обложках. – Внучка оставила, когда приезжала из Портленда. Милочка, сейчас все такое читают.

Я посмотрела на обложки. С обложек на меня смотрели мужчины. Мужчины были без рубашек, с рогами, с крыльями, с хвостами, а на одной, кажется, с жабрами. Все до одного смотрели исподлобья с таким выражением, будто героиня задолжала им за квартиру.

– Миссис Перкинс…

– Ищи, ищи, – милостиво разрешила миссис Хиггинс, садясь в своё кресло. – Мы не торопимся.

Я искала. Из чисто научного интереса. Рогатых было одиннадцать. С фиолетовыми глазами – один, но у него был ещё и хвост. У моего хвоста не было. Наверное. Я не проверяла.

– Ну? – спросила миссис Перкинс.

– Не он, – сказала я.

И только сказав это вслух, поняла, как это прозвучало. Миссис Хиггинс и миссис Перкинс переглянулись. Так переглядываются члены жюри, которые уже всё решили.

* * *

По дороге домой я зашла в аптеку.

Фармацевт, мистер Олдридж, знал меня с тех пор, как я в восемь лет пришла сюда за пластырем для куклы. Он посмотрел на мои глаза, потом на моё лицо целиком, потом снова на глаза.

– Проблемы со сном?

– Проблемы с тем, что снится.

Он выставил на прилавок мелатонин, капли валерианы и травяной сбор под названием «Тихая гавань».

– Опять травы, – сказала я. – Мне в последнее время хватает трав.

– Это мягкие средства, – сказал мистер Олдридж. – Если не поможет, идите к врачу, там выпишут серьёзнее. И не читайте на ночь ничего волнующего.

– Я читаю про гортензии.

Он посмотрел на меня поверх очков с уважением человека, который тоже когда-то пытался читать про гортензии.

Дома я сделала всё, что делают в фильмах, когда героине надо прийти в себя. Полила цветы, включая Стейнбека, который в ответ уронил лист. Поставила старый альбом Эллы Фицджеральд и пела вместе с ней, громко, мимо нот, пока миссис Ковальски сверху не постучала по батарее. Выпила мелатонин. Выпила валериану. Выпила «Тихую гавань», которая на вкус была как сено с претензией. Надела пижаму с котиками, сняла очки и легла.

Я уснула почти сразу. Мистер Олдридж знал своё дело.

* * *

Лён. Кедр. Дым.

Нет, сказала я себе. Нет-нет-нет. Либо просыпаемся, либо другой сон. Про гортензии. Я согласна на гортензии.

Гортензий не было. Была подушка, грубая и прохладная, и тяжёлое одеяло с мехом по краю. И тишина.

За спиной никто не дышал. Матрас не прогибался. Я лежала одна в чужой кровати, и это оказалось ничуть не лучше, чем лежать в ней не одной. Потому что если хозяина кровати нет в кровати, значит, он где-то ещё.

Я начала поворачиваться. Медленно, по сантиметру, как поворачиваются в фильмах ужасов, когда зритель уже кричит «не надо».

Скрипнула дверь.

Я распахнула глаза.

В дальней стене, в размытой темноте, стоял светлый прямоугольник – открытая дверь, а за ней коридор с факелами. В прямоугольнике стоял человек. Высокий. Даже без очков, даже против света я узнала силуэт: две линии над головой, вверх и чуть волной.

Он вошёл и закрыл за собой дверь. Свет пропал. Он остановился у стены, в тени, и я поняла, что он смотрит на меня.

Я резко села, прижимая одеяло к груди. Мы смотрели друг на друга: я на тёмное пятно в углу, пятно на меня.

– Только не вздумай опять вопить, – сказал голос из угла. Низкий, грубый, очень усталый.

Дыхание у меня стало коротким и рваным. Голова закружилась. По краям зрения поплыли чёрные мошки, а это, я знала, предпоследняя стадия перед тем, как упасть носом в одеяло. Почему кошмары такие настоящие? Почему у кошмара голос человека, который три ночи не спал?

Так, сказала я себе. В прошлый раз я закричала и проснулась. Значит, надо просто сделать то же самое.

Я набрала полную грудь воздуха.

Закричать я не успела.

Я даже не увидела, как он пересёк комнату. Только что он был у двери, а в следующий миг его ладонь закрыла мне рот, а пальцы стиснули челюсть – не до боли, но так, что не открыть. Его лицо оказалось совсем близко, и в нём больше не было ничего размытого. Фиолетовые глаза. Сжатые губы. Тёмная щетина на подбородке.

Паника вырвалась наружу, как вода из прорванной трубы. Я рванулась, ударила его кулаком по плечу – плечо оказалось твёрдым, как дверь, – попыталась пнуть, но ноги запутались в одеяле. Он поймал обе мои руки одной рукой, легко, как ловят бабочку, сел на край кровати и придавил коленом одеяло, в котором я барахталась.

– Прекрати сейчас же!

Тон был такой, что я замерла. Не от страха даже – от неожиданности. Таким тоном говорят собаке, которая полезла в торт.

– Я уберу руку, – сказал он, – и ты не будешь орать. Иначе я просто убью тебя, а потом буду выяснять, что тут происходит.

Он сказал это просто. Без нажима, без злобы, как говорят «иначе я опоздаю на поезд». Так не угрожают. Так сообщают. И я ему сразу поверила.

Я кивнула. Насколько смогла кивнуть с чужой ладонью на лице.

Он медленно убрал руку. Запястья мои он по-прежнему держал.

– Кто ты?

– Лира, – сказала я. Голос был тихий и жалкий, как у мыши, которую загнали в угол.

– Кто тебя послал, Лира?

– Куда послал?

– В мои покои. – Он говорил медленно, будто с ребёнком или с иностранкой. – Как ты прошла мимо стражи? Кому ты заплатила?

– Я никому не платила! Я сплю дома. А ты просто кошмар. Отпусти меня!

Он рассмеялся. Смех был короткий, рваный и совсем не весёлый.

– Такого мне ещё не придумывали. Тебя прислал отец? Или мать? Из какого ты калума?

– Кал… что? – Я дёрнула руками. Бесполезно, как дёргать фонарный столб. – Какого чёрта тут происходит? Отпусти меня немедленно! – И уже себе под нос: – Мне надо проснуться. Это просто кошмар. Просто кошмар.

Свободной рукой он что-то вынул из-за пояса. Я не сразу поняла что. А потом к горлу прикоснулся холод, тонкий и очень определённый.

Кинжал.

Я замерла. Я перестала дышать, моргать и, кажется, думать. Я смотрела то на лезвие, которое видела только краем глаза, размытой серебряной полосой, то на него.

– Мне это наскучило, – сказал он. – Отвечай: кто ты и откуда?

– М-меня зовут Лира. Лира Беннет. Я живу в Кастине, штат Мэн. Работаю в книжном магазине миссис Лоуренс «Розовые пионы», – выпалила я на одном дыхании и зачем-то добавила: – Пионов у нас нет.

– Прекрати мне врать. В королевстве нет такого города.

– Его и на картах не всегда отмечают!

И тут я засмеялась.

Я не хотела. Честное слово, это было последнее, чего я хотела. Но смех полез из меня сам, как пена из бутылки: громкий, нелепый, с иканием. Я сидела в пижаме с котиками, с ножом у горла, и доказывала рогатому мужчине, что Кастин существует. Если это не смешно, то я не знаю, что тогда смешно.

Лезвие отодвинулось. На сантиметр, не больше.

– Ты смеёшься, – сказал он. Это был не вопрос. Он смотрел на меня так, как я смотрю на текст на незнакомом языке: с подозрением и с любопытством. – Тебе приставили нож к горлу, а ты смеёшься.

– Это нервное, – проикала я. – Простите. Это у меня с детства.

Он помолчал.

– Из какого ты калума? Или ты из ротурье?

– Я из Северной Америки! Какие ещё королевства? Где я?

Я замотала головой, оглядываясь. Без очков комната была как картина, которую писали в темноте: тёмные глыбы мебели, тяжёлый полог, пёстрое пятно гобелена на стене, огонь в камине. Но средневековье узнаётся даже на минус четырёх.

Он резко отпустил мои руки и встал.

– Просто сумасшедшая, – пробормотал он, уже шагая к двери. – Или родители чем-то опоили.

Он распахнул дверь. Свет из коридора лёг на пол жёлтым ковром.

– Стража! Уведите эту сумасшедшую в темницу и выясните, кто её прислал.

В комнату ввалились двое с мечами. Один огромный, как шкаф, и совсем молодой. Увидев меня, он побледнел и быстро сложил пальцы в какой-то знак, будто от сглаза.

Я завопила и зажмурилась.

Когда я открыла глаза, надо мной была трещина в форме Флориды.

Миссис Ковальски не постучала. Видимо, привыкла.

* * *

До утра я не спала. Утром пошла в ванную умыться и включила свет.

На запястьях были синяки. На обоих. Четыре тёмных овала с одной стороны и один с другой, ровные, как отпечатки на глине.

Я приложила к ним свою ладонь.

Мои пальцы были меньше.

Глава 4
Не в отеле

Как же хорошо, что пятница была моим выходным.

Голова гудела, как улей. Глаза были красные, как у кролика-альбиноса. Синяки за ночь налились и стали цвета сливы. Я надела свитер с самыми длинными рукавами, какой нашла, и в девять утра сидела в приёмной доктора Финча с заранее отрепетированной речью.

Речь была хорошая. Я сочиняла её с пяти утра. В ней было слово «стресс», слово «переутомление» и ни одного слова «рога».

– Плохо сплю, – сказала я, когда доктор Финч поднял на меня глаза от карточки. – Яркие сны. Очень реалистичные. Просыпаюсь в панике. Наверное, переутомление.

– Наверное, – согласился доктор Финч. Он лечил весь Кастин уже тридцать лет и знал, что пациенты всегда начинают с «наверное». – Давайте измерим давление.

Он надел мне на руку манжету. Для этого пришлось закатать рукав.

Доктор Финч посмотрел на моё запястье. Потом на меня. Потом снова на запястье. Лицо у него стало очень спокойным и очень профессиональным, и от этого мне стало совсем нехорошо.

– Лира, – сказал он мягко. – Кто-то причиняет вам вред?

– Нет! – сказала я. – То есть да. То есть во сне.

Доктор Финч очень медленно отложил ручку.

Я поняла, что моя речь кончилась и дальше придётся импровизировать. Импровизирую я примерно так же, как вру.

– Мне снится мужчина, – сказала я. – Он… хватает меня за руки. А утром синяки. Вот.

– Вы живёте одна?

– Совершенно одна. В этом и проблема. – Я услышала себя и покраснела. – То есть это не проблема. То есть я не в том смысле. Я в том смысле, что рядом никого нет, а синяки есть.

Доктор Финч помолчал. Я видела, как у него в голове перелистываются страницы медицинского справочника, и все они мне не нравились.

В итоге он сказал, что во сне люди иногда сами сжимают себе руки, особенно при сильном стрессе, что это называется как-то по-латыни и что это бывает. Я не стала говорить ему, что пальцы на моих запястьях больше моих. Он и так смотрел на меня как на очень интересный случай.

Он выписал мне сильное снотворное, курс успокоительного и, на всякий случай, визитку психотерапевта в Бангоре.

Мистер Олдридж в аптеке прочитал рецепт, выставил на прилавок два пузырька – курс на две недели, – посмотрел на меня поверх очков и ничего не сказал. Он умел ничего не говорить так, что было слышно «я же говорил».

* * *

Домой я не поехала.

Мысль была простая и, как мне казалось, научная. Три ночи подряд я засыпала в своей кровати, в своей спальне, рядом с книгой Агаты, лежащей под мойкой. Значит, дело может быть в месте. Значит, надо сменить место.

Я кинула в сумку пижаму, зубную щётку и таблетки и поехала в Блу-Хилл, в двадцати минутах вдоль побережья. Там была маленькая гостиница «Серая чайка», которая в конце

октября пустовала, и хозяйка, миссис Тиббс, обрадовалась мне так, будто я пришла не снять номер, а вернуть ей долг.

Номер был на втором этаже, с видом на залив, с кроватью под лоскутным одеялом и с картиной, на которой маяк. Ни одной книги. Ни одной травы. Ни одного камина. Я обошла комнату дважды, по часовой стрелке и против, просто чтобы убедиться, что ничего не случится, и ничего не случилось.

Потом я пошла на пляж.

Атлантика в октябре серая и честная. Она не притворяется, что ей до тебя есть дело. Ветер дул так, что волосы выбились из пучка и карандаш улетел куда-то в сторону Новой Шотландии. Я шла по мокрому песку, собирала ракушки, которые мне были совершенно не нужны, и чувствовала себя почти нормальной. Нормальная девушка на нормальном пляже в нормальный выходной. У нормальной девушки на запястьях синяки, но это её личное дело.

К вечеру я съела в кафе у пристани суп из моллюсков, выпила чаю без всяких трав и вернулась в номер. Переоделась в пижаму с котиками. Села на кровать и надела очки, чтобы прочитать на пузырьке, сколько таблеток пить.

Я выпила ровно столько, сколько написал доктор Финч. Я всегда делаю то, что написано.

Очки снимать не стала. Решила так: если всё равно не поможет, то хотя бы рассмотрю его как следует.

Лекарство подействовало быстро. Последнее, что я помню, – лоскутное одеяло, маяк на картине и пузырёк в руке, который я так и не поставила на тумбочку.

* * *

На этот раз я не стала ждать. Как только подушка под щекой стала льняной, а воздух запах кедром и дымом, я открыла глаза и села.

И впервые увидела комнату целиком.

Очки. Они были на мне. Они перешли вместе со мной, и мир, который три ночи плыл акварелью, вдруг стал резким до боли. Высокие стены из серого камня. Узкие окна, за которыми чернело небо. Полог над кроватью – тёмно-синий бархат с вышитыми серебром звёздами. Гобелен с охотой, где олени почему-то загоняли охотников. Камин, в котором ровно горели поленья. И кресло у камина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.